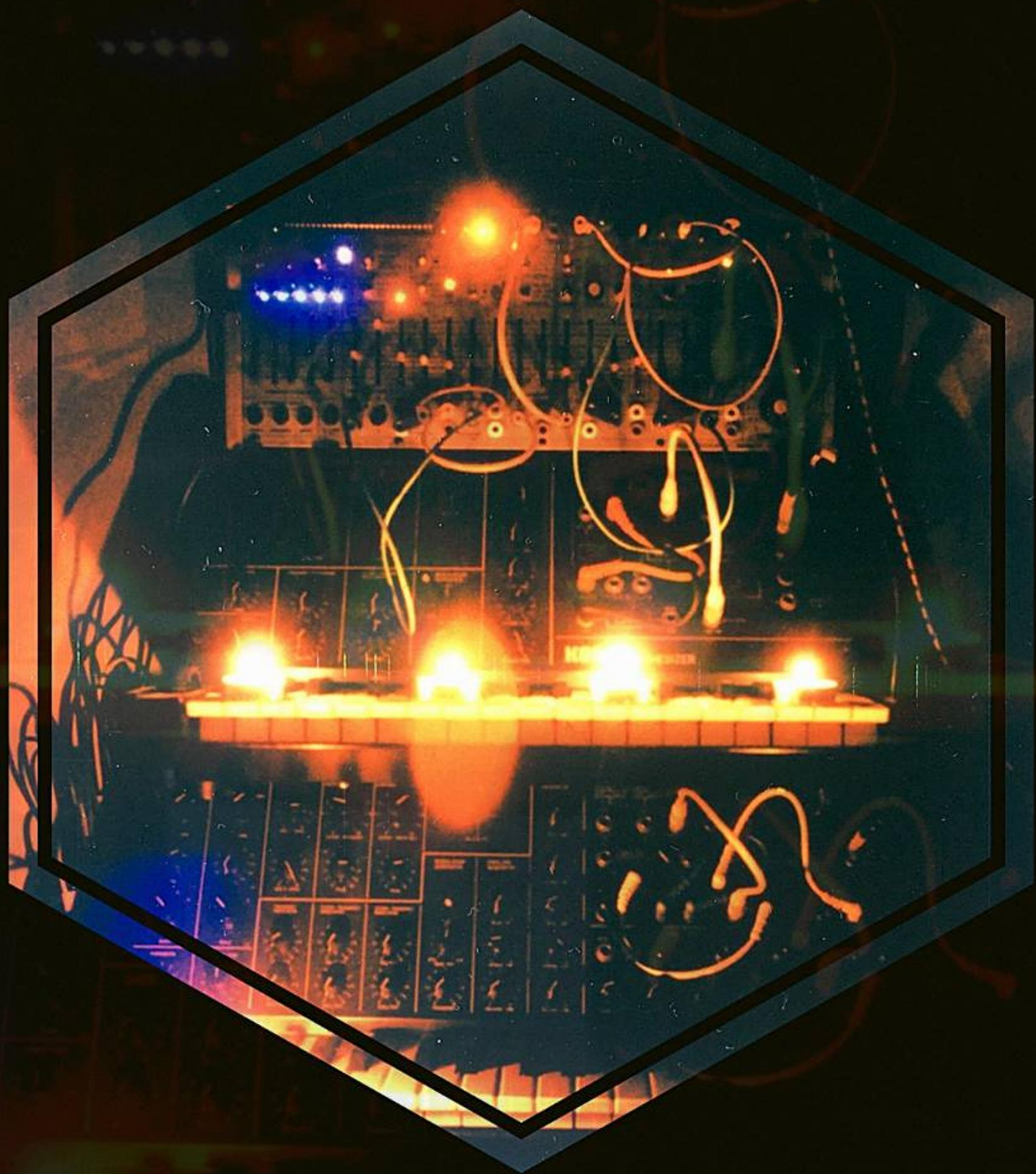

ДМИТРИЙ ВЛАСОВ

ГЛУХОЙ МАНИФЕСТ

18+

Загребка

Дмитрий Власов
Глухой манифест

«Автор»

2026

Власов Д.

Глухой манифест / Д. Власов — «Автор», 2026 — (Загребка)

Эта книга, в первую очередь, оккультный роман - гносеология подмосковного безумия. Она затрагивает вопросы, которые еще не ставились в публичном поле: что можно купить на неразменный рубль, куда не ведет лестница Иакова и как сподручнее уничтожить музыку. Данный труд перепахивает нивы магического реализма культиватором подмосковной школы критического неоплатонизма. Не в последнюю очередь роман раскрывает проблему злоупотребления аналоговым синтезом. Герои могут быть знакомы по сборнику «Чудеса».

© Власов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Трагизм	6
Дионис и Аполлон	10
Константин	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дмитрий Власов Глухой манифест

Предисловие

«...нам было велено воздвигнуть храм на границе,
разделяющей чистое множество волн и нечистое множество людей...»
Уильям Батлер Йейтс. *Rosa alchemica*

Трагизм

Ребенком я знатно пугал родителей. Мог среди игры или другого увлекательного занятия уставиться на стену или замереть. Или наоборот, мог забыть, что я, например, иду, и вовремя не остановиться перед неким препятствием. Мог оборвать фразу на полуслове и резко замолчать; или не замолчать, а продолжить тянуть гласную букву, словно завис. Казалось, что я отпускал вожжи контроля, ненадолго, секунд на пять. Родители думали, что у меня какой-то синдром. Возможно - дефицит внимания. Что там модно сейчас? Наверняка, они надеялись, что я «выправлюсь». Но со мной было все в порядке. По крайней мере по части физиологии. Просто я начинал ощущать трагизм жизни, проблему времени и материи, аспекты их природы. Не полноценно, конечно, но основную постановку проблематики - точно. Не лучший момент, чтобы ожидать от меня стереотипного поведения ребенка. В такие минуты игра и чья-то анимационная-увеселительная болтовня на «детском» наречии переставали меня интересовать. С одной стороны, меня еще не научили перекладывать ответственность за несовершенство материи на близких людей и окружение. С другой стороны, я еще не мог эстетизировать рефлексии по поводу несовершенства мира, романтизировать проблематику бытия. А то бы я зависал элегантнее, с сигаретой на балконе и слушая медленную музыку, где ударов сорок-шестьдесят в минуту. Бедные родители.

Впрочем, период этот был недолгим. Начался он года в три, вместе с первыми устойчивыми воспоминаниями, а закончился лет в пять, когда я худо-бедно научился притворяться нормальным: отыгрываться на родных или романтизировать такие моменты - «выправился». Как вы понимаете, я сейчас немного привираю про «три года». Я прекрасно осознаю, что воспоминания - штука тонкая, тем более детские. Но, я интерполировал свои ощущения на более или менее сложившуюся статистику по воспоминаниям. Обработал реперные точки времени: переезд из коммуналки в двухкомнатную квартиру, походы к врачам, где имели место уколы, укус собаки и другие значимые события. В общем, я пришел к выводу, что уже с лет трех понял жизнь как трагичную штуку. Но, на тот момент, еще не уяснил, что мне с этим делать. Трагизм, я, конечно, ввожу тут, как переживания о несовершенстве материи и постановку самости в мире ускользающих вещей.

Что же это были за ситуации такие, которые толкали к осознанию трагизма? Хотя бы те, когда что-то ценное отбирают еще «недокусанным». Все говорят про слух, цвет и обоняние. Но челюсть - тончайший прибор для регистрации тактильных ощущений. Да само слово «тактильность» - тщедушно. Укус позволяет оценить объем, плотность, фактуру, хрупкость, гладкость, абразивность, ковкость, тягучесть материи. Уверен, из людей, которым разрешали в детстве кусать все подряд, получают высококлассные специалисты по сопромату. Необходимо понимать, что забирая у ребенка игрушку изо рта, вы лишаете его целого измерения - редуцируете мир. Ребенок, кстати, не глуп, и, как бы ни капризничал, осознает, что вы делаете это для его блага. Это есть удачный пример того, откуда берется трагизм.

Иной раз машинка или платице, это простой каприз. А иной раз - знакомство с относительностью целостности, собственности, и в конечном итоге, относительностью сознания. Таких непростых моментов в жизни ребенка по тысяче на день.

Лучше всего я помню то разочарование, благодаря которому я был инициирован в какую-никакую саморефлексию. Тот момент, когда я понял, что уже могу притворяться и романтизировать бытийные несовершенства. Наверное, этот краеугольный трагизм и научил меня всему. Ибо в его основе было даже не позволение романтизировать, а сам толчок в романтику и поэтизм. В тот момент из меня выбили детское животное «рацио», а свято место пусто не бывает.

Утром еще одного зимнего дня в детском саду я неожиданно и задался вопросом, почему сантиметров тридцать стены снизу красят коричневой краской? Воспитательница мне отве-

тила: стены снизу покрывают темной краской, чтобы не было видно грязи и чтобы легче было оттирать ее. Полоска такая тонкая, потому что всю стену красить дорого. Конечно, у меня в голове уже сформировался вопрос о том, как же в наш просвещенный век еще с грязью не справились? Почему не сделали краску дешевой? Но первый мой вопрос был - почему коричневая? Почему не серая, например? И мне сразу ответили: бывает и серая, и оливковая. Красят тем, что доступнее всего. И после такого ответа я уже не задавал вопросы про грязь, деньги и ширину покраски.

Стало ясно, что взрослые ничего толком не контролируют. У них нет четких правил, регламентирующих все на свете. А у меня естественным образом уже сформировалось мнение, что все, начиная с окантовки носового платочка до геометрии висюлек на люстре, строго регламентированно. Бог с ней, с природой. У нее свои регламенты, которые пишутся сосновыми корнями, грибницей и количеством солнечных дней в году. Но в городе-то... Даже там взрослые контролировали ничтожно мало. Оказывается, у нас в городском «управлении эксплуатации¹» нет никакой огромной библиотеки, в которой была бы зафиксирована обоснованность каждого производимого человеком действия, каждый параметр чего-либо рукотворного. И в столице не было такой библиотеки. Ответы сильно меня разочаровали. Это была моя личная потеря, сейчас я понимаю, что это была потеря уверенности в людях, а потом и потеря уверенности в уверенностях. И тогда же я понял, что жизнь без потерь не прожить. Я выдержал этот удар, но предпринял некоторые меры - начал вести хронологически синхронизированную с часами собственную историю и каталогизацию воспоминаний. Ведь если взрослые не способны на какую-то мало мальски сносную четкость, надо брать все в свои руки. Я был уже не тем ребенком, для которого что сон, что явь, что чей-то рассказ - суть одно. Не тем, для кого яркое событие было квантом времени. Я стал разделять, стал мерять жизнь месяцами, днями, часами, секундами и их долями. Что еще важнее, я ощутил тщету бесконечных «почему» - иррационализм рационализма.

И тогда пришел он - регламентер. Прямо в детский сад. Почти через пять минут, после того, как я получил ответ про покраску стен, и в первый раз не завис, а притворился играющим.

Детей позвали во двор, а я не пошел, сослался на недомогание. Странно, что в тот раз мне не дали подзатыльник, а спокойно оставили одного. Сидел я на стульчике, носком сандали игрушки пинал. Я ощутил внутри тотальное спокойствие и грусть. Пинал игрушечный грузовик с пониманием того, что этот кусок пластика был придуман суетливыми взрослыми на скорую руку для того, чтобы я не задавал им вопросы, на которые они не могут найти ответы. Я подошел к окну и посмотрел на группу моих соратников, которые от неосознанной безисходности варешки на резинках макали в талые лужи. Теперь мне стало понятно, почему этот грузовик такой убогий. Меня до этого долго мучал вопрос, с какой стати его кабину пересекает шов, о который можно иной раз и порезаться? Имитации грузовика в таком виде вполне достаточно, даже с излишком. А экономию никто не отменял. Я смотрел на детей, на воспитательницу, на веранду, лужи и понял, что воспринимать эту картину без некоторой неназванной внутренней боли можно только тогда, когда ставишь в противовес определенную ценность. В тот момент в качестве ценности я привлек патетику отвлеченности и изоляционизма. Кто смог бы мне ответить, зачем он нужен, этот трагизм, эта внутренняя боль? В «управлении эксплуатации» ответов искать не следовало. Вместо ответов мне оставили только острый дефицит смысла. Вот я и попробовал восполнить дефицит смысла, эстетически пересмотрев окружающий меня мир.

Отвлеченности и изоляционизма мне надолго не хватило, я отвернулся от окна. В дверной проем заглянул человек. Уже некоторое время он наблюдал за мной. Увидев, что я заметил его, он кивнул мне и прошел в комнату. Высокий, худощавый, лысеющий дядька в черном

¹ В общем смысле, комплекс мер по поддержанию городской инфраструктуры в рабочем состоянии. В моем городе под данным термином подразумевается муниципальное предприятие, которое размещено в большом здании в центре города.

костюме, а, поверх него, такое же черное пальто. Лицо у него было не запоминающееся. Хотя и моя память была еще не в полной мере запоминающей. Тогда я первый раз свидетельствовал подобное. Но, если бы на тот момент уже был знаком с Экклезиастом², то обозначил бы незнакомца, как весьма «экклезиастичного». Он подошел, присел на корточки передо мной и участливо спросил:

— Разочарован?

Я кивнул.

— Ну извини, это не я виноват, — ответил мужик.

Я молчал, дядька смотрел внимательно мне в глаза. Он знал, о чем я думал. А мне, в виду неопытности, казалось, что так и должно быть.

— И что предпринять собираешься? — спросил он.

— Писать научусь, и напишу как жить надо.

В этом была моя ошибка, я этот вопрос воспринял как некий педагогический момент в духе: «Кем ты Димочка станешь, когда вырастешь?». И ответил ровно то, что было положено в контексте тех моих мыслей, которые занимали меня последние минуты. Так, если бы я более думал о грузовике, чем об «управлении эксплуатации», то ответил бы, что хочу стать водителем грузовика.

— Не перестарайся только, — серьезно проговорил мужик.

Дядька выпрямился во весь свой немалый рост, кивнул мне и ушел. Не могу его назвать таинственным незнакомцем. Он был прозаичен как та полоска краски на стене. И я знал, что он пришел ко мне, адресно, так сказать. Явился засвидетельствовать мой переход к историческому летоисчислению. Это была какая-то детская императивная уверенность. В «западном» мире принято верить в зубных фей, крестных волшебниц. А у нас, как оказалось, на закате советской эпохи случалась такая вот конфирмация. Когда ребенок по настоящему и полноценно осознавал себя во времени и истории, когда он переходил от потребления, к называнию, тогда и появляется регламентер - свидетельствующий этот переход. Думаю, это существо являлось к каждому. Но мы про него забываем. Я ведь напрочь забыл о нем, пока судьба не заставила вспомнить вновь.

Но, не буду забегать вперед. Мужик мне понравился в тот момент, он говорил со мной как взрослый со взрослым. Иногда детям это необходимо. Кроме того, я думал, что он хорошо ко мне относится, раз лично пришел поглядеть на «свежеосознавшийся» мой разум. Казалось, что такими и должны быть взрослые: документирующими каждое явление, и фиксирующими каждый феномен. Спокойно, без лишней суеты. Конечно, в моем словаре тогда еще не было слова «регламент». Но когда я вспомнил о человеке в пальто спустя более чем треть века, то он сразу всплыл в сознании именно как «регламентер».

В конечном итоге получилось так, что я ему не соврал. Научился я грамоте, немного подрос, стал писать о том, как людям жить. Больше от безысходности, чем по зову сердца. Я стал аналитиком - составлял регламенты, инструкции, моделировал бизнес-процессы. Только вот зря я не внял отличному совету, перестарался с описанием правил. Так перестарался, что во всю аналитику и регламентирующую деятельность перестал верить напрочь. А следовало мне хоть иногда прислушиваться к совету того мужика. Был бы у меня характер получше.

Я бы об этом дядьке и не вспомнил, если бы не Константин, мой друг и соратник по музыкальным изысканиям. Не в первый раз именно из-за него в моей жизни происходят самые что ни на есть таинственные события. Такого рода события, которые, в отличие от пластиковых грузовиков, очень неплохо разведают сумеречный «вельтшмерц³». Когда я эти строки пишу,

² Экклезиаст (др.-греч. Ἐκκλησιαστής экклезиастэс; др.-евр. קהלת кохелет) — книга, входящая в состав еврейской Библии (Танаха) и Ветхого Завета. Седьмая книга раздела Писаний (Ктувим) Танаха. Экклезиаст, апеллирует к тщетности вечного круговорота вселенной и человеческого существования.

³ Вельтшмерц (нем. Weltschmerz, «мировая скорбь») — литературный и психологический термин, обозначающий глубо-

Константину уже за сорок. Человек сложившийся, в целом, неплохо сложившийся. И все равно он до сих пор притягивает к себе все неоднозначное и непонятное как магнит.

Дионис и Аполлон

Помню один непонятный и неоднозначный случай, памятный довольно. Я иногда его припоминаю Константину. Хотя лет двадцать прошло уже.

Царь Югославии⁴ подбил нас августовской порой пойти с палатками на северное озеро. Северным озеро назвали потому, что оно располагалось несколькими километрами севернее нашего городка. Тогда Царь еще не был коронован на трон, «Царем» его нарекут через лет десять. Лето стояло жаркое и засушливое. Оставалось пару недель до сентября. Тем больше хотелось урвать еще немного лета. В те времена Царь и Константин еще полноценно дружили. Они и сейчас общаются, но вынужденно. Общение свелось к взаимным шпилькам и подколкам, если не откровенному глумлению. Могу сказать со стороны - виноваты оба.

Времена те были хороши. Подмосковные водоемы еще не превратились в зоны отдыха. Про северное озеро никто за чертой городского района не знал. Летом можно было спокойно пойти купаться и не встретить лишних рыл на берегу. А озеро большое, вытянулось на целый километр.

Сейчас совсем другая ситуация. Только наступает теплый сезон, к нам в огромном количестве приезжают отдыхающие. Паркуются по обочинам двухполосной лесной дороги так, что двум машинам не разъехаться. И такая ситуация наблюдается на протяжении километра дороги, по которой я езжу на дачу. Мало того, что движение затруднено стихийной парковкой, так туристы еще и на дороге пасутся со своими баулами, матрацами и сапами. Разгуливают по проезжей части, как у себя дома, недовольные тем, что местные смеют тревожить их отдых своими логистическими амбициями. Они же превратили пляж в помойку, привезли «карфаген» собой, а убраться не привезли.

С такой агрессивной экоповесткой я рискую ворваться в мир молодежного активистского пубертата. И это меня страшит сильно больше, чем наличие захватчиков подмосковных озер, среди возможных читателей. Поэтому, все же, сбавлю тон. Тем более, мне лень долго испытывать негативные эмоции, когда за это не платят белую зарплату.

В те времена нам было чуть за двадцать и, чтобы добраться до озера с комфортом, велосипеда хватало. Сразу после работы я заскочил домой за палаткой и спальником. Во дворе меня уже ждали Константин с Царем. Стояли оба высокие, патлатые. Только Константин - белобрысый, а Царь - кудрявый брюнет. Я тоже был патлатый брюнет, только не кудрявый и пониже моих друзей. Дальнейшее я вижу как некую пасторальную сцену - три долговязых обросших обезьяны в березках и подобных обносках, с рюкзаками за спинами, один за другим едут в магазин, закупаются нехитрым провиантом. Один из трех приматов обычно оставался стеречь велосипеда, пока двое других проводили закупки. Наш путь пролегал по главной городской дороге мимо нескольких научно исследовательских институтов к лесу. Уже в лесу мы ехали по грунтовке до края озера и спешившись. Далее дорога вела вдоль берега к самой удаленной от города его точке. На все про все минут пятнадцать.

Хотел бы я сейчас нырнуть в то время? Очень сложно сказать. Не могу быть в этом уверен в полной мере.

Пока мы доехали до заветной поляны, с неба уже спустились уверенные зрелые сумерки. Мы поставили палатки сразу, понимая, что скоро к нам присоединятся товарищи. Константин приехал с одним спальником, без палатки. Меня это немного напрягло, я рассчитывал на некоторую свободу в жилищной сфере, учитывая, что в лагере должны были появиться и

⁴ Такой титул мой друг получил не просто так. Изначально его звали «Царем Болгарии», потому что он мог болгаркой делать все: резать по дереву, рисовать, наверное, даже зубы чистить. Но его компетенции расширились совсем уже бесконтрольно. Пришлось его повысить до «Царя Югославии». Гараж Царя после этого стал именоваться «Югославией».

девушки. Впрочем, это не особенно принципиальным казалось. Царь разжигал костер. Константин достал удочку, повозился с ней пару минут и забросил в кустах рогоза. Мы сели, кто на бревно, кто на пенку, я положил под зад спальник.

Врать не буду, сам себе немного завидую, когда пишу о тех временах. Далеко не все стоит переживать заново, но те дни - можно. Перед нашей вылазкой в лес стояла изнуряющая жара, а накануне прошел ливень. Прохладнее не стало, даже добавилось духоты. А я духоту и влажность люблю более всего. Особая нега: в такие дни ничем нельзя толком заниматься, кроме как отдыхать. Люди дуреют и впадают в летний анабиоз. Поэтому у окружающих не хватает пассионарности на то, чтобы поколебать мой лиричный и спокойный настрой. От дождя накануне природа немного приободрилась, вылезли редкие гости: светлячки. В сумерках носились летучие мыши. А луна, известная актриса, пока скрывалась за кулисами елей. Она только готовилась к выступлению.

Я несколько неряшливо отсыпал атрибутов летнего лесного романтизма: луна, светлячки, летучие мыши. Этого недостаточно. Такой подход, это как альбомы Chelsea Wolfe⁵. В них вроде бы все хорошо, все атрибуты успешного проекта присутствуют: манера исполнения, хуки, визуальная составляющая. Но удовольствия от прослушивания нет, бульон не сварился, одни только ингредиенты плавают в кипятке. Синкретизм не сферментировался в целостность. Синтез не произошел.

Такая же история и со светлячками и летучими мышами под луной. Во первых, непосредственно ночью летают только лесные крупные и редкие в Подмосковье летучие мыши. Такую мышь заметить ночью в лесу практически невозможно. Я сам видел их всего два раза в жизни. А расхажывая мелочь промышляет в городе. Но важно даже не это, лес ценен не яркими своими атрибутами. Лес, это самый сложный биотоп, и каждый его отдельно взятый фрагмент наделен особым характером, подобным людскому. Мало того, что каждая полянка или тропинка уникальна, и на них ты чувствуешь то, что не дадут тебе другие. Настроение еще и меняется на суточных и сезонных горизонтах. По хорошему, каждому такому маленькому биотопу надо бы дать имя собственное, но на это не хватит целой жизни. Очень странно, что люди вместо этой важной задачи решают какие-то совершенно непонятные другие. В одиночку мне описать летний лес, да еще и ночной, не представляется возможным. Дело неблагоприятное. Но и замалчивать эти особенности - тяжкий грех.

Что я чувствовал тогда в лесу? Определенное летнее гостеприимство и согласие с моим в нем нахождением. Чувствовал обещание чего-то особенного. Сожаление от того, что я не в полной мере могу ассимилировать в себя то, что ощущал вокруг. Но, как бы это ни было важно, мне придется вернуться к более динамическому повествованию.

У меня были резонные опасения насчет того, что Константин с Царем испортят мне отдых, но пока все шло хорошо. Я рассчитывал первую ночь провести в лесу, пока друзья еще не переругались, и свалить домой на следующий день, оставив палатку Константину. Выдерживать товарищей вместе больше суток было тяжело. Я уже засек, сколько времени пройдет с нашего приезда до момента, когда они начнут собачиться. Надо признать, задирает всегда Царь, но Константин старательно его провоцировал.

Прошло минут пятьдесят, как мы приехали, и вот оно - пошло. Спор начался из-за музыки. Музыка Царь и Константин ставили по очереди. Каждый - свое любимое. Царь - современный металл, а Константин - обскурантистскую дичь. В этой схватке гоноров я не участвовал по простой причине: чтобы склонить меня в свою сторону, каждый через раз кидал мне кость - те композиции, которые, в их понимании, я любил более всего. В результате, половина эфира была забита моей любимой музыкой. Зачем разрушать такую идилию?

⁵ Исполнительница популярной музыки, которая мимикрирует под андеграунд.

— Ты ничего не понимаешь, — выговаривал Царь, пока еще спокойно, Константину, — Тут люди играть умеют. Послушай соло - гитарист шестьдесят четвертыми⁶выдает. И все это под полиритмию⁷.

— Мельтешение. «Смотрите как я много нот умею». А смысл? Что он эти ноты выдает, что другие, какая разница? — нудил Константин, — Нотами не разбрасываются. Пусть сначала одну научится играть, чтобы было интересно.

— А в чем смысл, если не в нотах? — парировал Царь.

Константин распялся:

— В этих нотах я не вижу смысла, кроме как в качестве спортивного упражнения.

Утихли наконец. Заиграла композиция Константина. А я смотрю на Царя. Тот начинает нервничать и через минуту не выдерживает:

— Когда это закончится? Дим, пошли дров нарубим.

Мне приходится отвечать:

— Зачем лес жечь? Тепло и так.

— Не могу это слушать. За полчаса ничего не изменилось в композиции!

Константин спокойненько отвечает, как ребенку:

— Ты не ноты слушай, а тембр. Там больше значимых изменений, чем если по гамме бегать.

На самом деле азарт друзей состоял не в том, чтобы достучаться до оппонента, а в том, чтобы засорить чужой эфир словами и отвлечь от прослушивания.

Не знаю, как долго это продолжалось бы. Меня спасли вновь пришедшие друзья: Максим и Василий. Максим постарше, в то время еще относительно молодой. Максим воспринимался как маргинал, так как был сильно бородат. Бороды в те времена не носили: рожа чесалась, а кремами сдобривать их еще не научились. Василий же - спортсмен, тем и был хорош, ибо всю дурь тратил на спорт. За рамками своих спортивных занятий он оставался адекватным и довольно надежным. Они привели с собой девушек Машу, Лену и Женю.

Лену мне очень тяжело сейчас вспомнить, но что я понял в ее отношении: она была незаконченная какая-то. Будто искала того, что ей недостает, и, вместе с тем, сама этого не понимала. Что до внешности, она пыталась соответствовать своим представлениям о том, как должна выглядеть респектабельная перспективная девушка в лесу. Кроме того, она была подтянута и светла на волос. Тогда я воспринимал девушек целно, не деконструировал их образы, в этом была определенная моя сила, и, одновременно, слабость. Сейчас, думая о Лене, я понял один интересный момент. Ее внешность, ухоженное лицо, фигура, они словно обещали некий стандарт. Находясь с ней, ты получал что-то вроде сертификата из палаты мер и весов, удостоверяющего тебя, что рядом девушка условно высокой категории внешности. Что с нею делать, с этой внешностью? А черт его знает. Что дают отношения с «гостированной» девушкой? Любоваться ею, как спортивным снарядом? Я переживаю, что сейчас покажусь немного сальным, но все же скажу, что даже пик совместной активности с такой барышней, вероятно, покажется не следствием страсти, а эксплуатацией высокотехнологичного механизма.

Мария выгодно отличалась от нее спокойствием в отношении, как я понял, всего. Она сделала выбор в сторону полноты, естественного мышиного цвета волос, и одежды по принципу - что не постирано, то и надеваем. Бог свидетель, ее это несколько не портило, даже напротив. Мария настолько не постулировала уверенность в себе, что у окружающих даже в голову не могло придти, что она хоть в чем-то не уверена и вообще слаба. А, стало быть, такая женщина не будет использовать окружающих для того, чтобы самой себе что-либо доказать.

⁶ Доли такта. В данном случае можно трактовать как быстрый темп исполнения отдельно взятых нот.

⁷ Одновременное сочетание двух или более различных ритмических рисунков, которые не кратны друг другу, в рамках одного музыкального размера.

Поэтому с нею рядом было очень спокойно. Она этим невероятно привлекала. Но даже тогда, будучи молодым, я догадывался, что такого рода девушки привлекают буквально всех. Вне зависимости от каких-то своих тактико-технических характеристик. И мне стоило относить свою к ней симпатию в первую очередь на это ее свойство. А сохранится ли симпатия, когда я пойму, какова Мария сама по себе, не в режиме спокойствия? Вопрос тонкий, и хорошо, если он решается за небольшие промежутки времени, а не на второй или третий год совместной жизни.

Ну, а про Евгению мне непросто говорить, потому что в ней была та неопределенность, которая и не дает многое сказать о человеке, чтобы не ошибиться. То была не Еленина активная незаконченность, которая диссонировала и требовала своего завершения. Неопределенность Евгении скорее была свойством моего на нее взгляда. Девушку точно не стоит винить за то, что не определившийся дурачок, это прежде всего я. К моему глубокому сожалению. Но об этом я буду сожалеть потом. На тот момент самое замечательное и ценное, что я увидел в Евгении, кроме удачных коротких шорт и интересных обертонов в голосе, это принципиальная доброжелательность. Ее мне уже было достаточно, чтобы чувствовать симпатию. Ведь если человек добр, ему можно простить даже такие грехи, как, например, диджейство или романтизацию искусства. Кроме доброжелательности, у Евгении было еще одно интересное и неочевидное свойство. Она вообще не задумывалась о своем эстетизме. Даже если ее внешность и соответствовала неким категориям общепринятой красоты, она воспринимала это, как удачное стечение обстоятельств.

Самому забавно, насколько мне приятно и интересно описывать девушек, и насколько неохотно я цежу слова для описания парней. Но уж извините, кто такой мужик? Обезьяна, как есть. Имею неоспоримое право не интересоваться мужиками. Хотя мартышек и люблю всяких, но не ношусь с ними, как кошатники со своими хозяевами. Остатки сельского менталитета проявляются: скотинка, она и есть - скотинка. Константину и Царю я, конечно, уделил больше внимания, но то момент психологический. Описывая их, я сливаю весь негатив, который накопился за долгие годы дружбы. Пусть отрабатывают свои характеры хотя бы на страницах.

Когда в лагере появились девушки, Константин тут же приглушил проигрыватель. Снобом он был, но точно не дураком. Все засуетились, начали организовывать мангал. Царь застучал топором, сделанным из рессоры. Максим занялся готовкой. Бородатый и взлохмаченный, в каком-то ветхом рубище, он, казалось, пришел не со стороны города, а из леса материализовался. Василий же, эталонный марафонщик и велосипедист, в тот год поднабрал лишнего веса и никогда не нелишнего спокойствия. Он глянул на меня и перевел взгляд на Константина с Царем. Я кивнул ему в ответ, а Василий пожал плечами, все понял без слов. Могу поспорить, он мог придти раньше, но не хотел оставаться наедине с двумя заклятыми друзьями. В скорости подошли Вадим с Мариной - брат и сестра. Странная пара: брат высокий и полный, сестра миниатюрная и маниакально аккуратная. При этом, они очень похожи друг на друга. Марину я не буду описывать так подробно, как трех подруг ранее. Я же ее с первого класса знаю, поэтому тут либо отдельный рассказ писать, либо вообще ничего не писать, чтобы мне от нее не прилетело потом. Девицы между собой щебетали, молодые люди обменивались новостями.

Царь, как в некоем роде блюститель солидарности, за несколько словесных заходов объединил компанию на игровой манер и заставил рассказывать истории: кто что чудесного видел в окрестностях за последнее время. Первую историю рассказал он сам, разумеется:

— У нас на дачах случай был лет пятнадцать назад. От старожилков слышал. Вандалы повадились: выкапывали морковь, свеклу, капусту объедали, топтали малину, землю рыли. Не крот и не собака - масштабы другие. Дачники думали, что человек вандалит. Сторожа старого привлекли к обходу территории. Тот пару недель отдежурил и обнаружил нарушителей порядка. Говорит, что зайцы гигантские балуют. Ему не поверили, подумали, что пьет дед. Рассчитали с синекуры. Взяли мужичка с деревни. Тот прибегает в шоке, божится, что не пил.

Рассказывает: два зайца, ростом с человека каждый, через ограду сигают и давай столоваться - то тут, то там. И того мужика в пьянстве обвинили. Взяли двух пацанов подростков, чьих-то детей. Каникулы - времени полно. Они в первый же день на утро отчитались - кенгуру! Проверили, действительно, с частного питомника сбежала пара кенгуру.

— Красиво врешь, — прокомментировала Марина.

Царь пожал плечами. С Мариной мы все дружили - одноклассница бывшая. Ей можно и не так Царя задирать. Но ее брат заметил:

— Врет или нет, а цаплю мы видели тем летом за торфянкой.

— Было, — подтвердила Марина.

Царь объяснил:

— Это с «биобазы», не в первый раз у них цапли сбегают.

Я немного отключился от разговора, на Константина глянул. Тот украдкой рассматривал незнакомых ему девушек. Иногда то на меня поглядывал, то на Василия. Я и сам поглядывал тихонько на девиц и на друзей.

Стратегия простая. Больше всего проявлял активность Царь. Он, в некотором роде, блюл целостность компании. Это почетно и ответственно, и для нас с Константином, в виду социопатии, хлопотно. Поэтому мы сначала наблюдали за тем, как девицы реагируют на Царя: кто польстится, кто затаится. Далее шел Василий, крупный спортивный лентяй симпатяга. С виду простой активный живчик-хохотун. На нем отсеивалась еще часть женского внимания. Что забавно, так как он далеко не прост. Но это были исключительно проблемы девушек, общавшихся с ним. После двойного отсева оставались самые интересные барышни. Тут уже был наш с Константином выход. Мы в нише культурного снобизма с ним конкурировали. Хотя и ленью оба наделены сверх меры. Соперничеством это было очень тяжело назвать: нечто среднее между шашками и поддавками. Усложнялось наше с Константином положение тем, что остающиеся барышни, очевидно, были либо самые интересные, с культурных позиций, либо крайне проблемные. Чаще - одновременно.

Я молчал, пока рано было проявляться в качестве бенефициара женского внимания. Вечер только начался. К нам успели подойти еще пару друзей. Марина ушла с Василием в город, оставив брата с нами. Вместо Марины подскочила ее подруга. Вспомнить ее имя и внешность - совершенно непосильный подвиг для меня. Она не нашла Марины, но осталась с нами. Я ждал, когда Юра с Ильей подойдут - близкие мои соратники. А они все не шли. Наверняка доберутся только завтра, когда я уже свалю.

— Верблюдов все видели за речкой? — спросил Максим.

Поговаривали, что за торфяной речкой у нас живет чета верблюдов, так же сбежавшая из питомника, обнищавшего в девяностых. Где все эти мифические питомники и «биобазы» находились, никто не знал.

Я пялился то на Лену, то на Женю, то на Машу. Константин тоже на Лену посматривал, реплики отпускал. Девица, какая бы проблемная с виду ни казалась, выросла знатная. Я дал Константину возможность проявить свои худшие качества первым. Знал, что он не выдержит долго без критиканства.

К нам подошел еще один молодой человек, я его раньше не видел. Судя по тому, как он успел со всеми уверенно поздороваться и перекинуться парой фраз - чей-то знакомый.

Мне он не то, чтобы не понравился. Но, кто ходит по ночному лесу в белых шортах, майке и кроссовках? Ладно бы просто в белых одежках, так они еще и чистые были. С приходом парня у нас стало два заросших блондина: Константин и этот новенький. Пришедший блондинчик прямо таки светился почти что жеманной грацией. Белобрысый Константин на его фоне выглядел далеко не «аполлоном».

У друга моего на тот момент уже сложилась некоторая фора по части контакта с прекрасным полом. Константин неожиданно элегантно, элегантнее обычного, успел подсесть к Лене и

строил из себя приличного человека. И, что удивительно, небезуспешно: Лена уже хихикала над очередной его шуткой. Бог видит, я был рад за друга и с двойным интересом наблюдал за оставшимися девицами.

Новенький же самым наглым образом уселся между Леной и подружкой без имени. Он вступил в диалог с Царем. Тот, добрая душа, протянул блондину пиво и даже по-отечески с ним поговорил о досужих делах. Что там их интересовало? Кайт-серфинг? Сабы? Пейнтбол? Я только и успевал удивляться, не наблюдалась раньше за Царем тяга к пейзажным развлечениям.

Между тем, новенький уже взял в оборот и девушек. Они обсуждали отпуска. Хихиканье началось. Константин сидел поникший, Лена от него отвернулась и внимала речам Царя и новичка. Каким бы Константин ни был засранцем, он был наш засранец. Царь, как мне показалось, о том же думал. Смотрю - притих и уставился ненадолго на Константина.

И тут блондин допустил промашку: докопался до тихо игравшего магнитофона:

— Не моя музыка, бестолковая совершенно.

Он стремительно наживал себе недоброжелателей в нашем лице.

— А ты что любишь? — спросила Лена.

— Люблю только свое, мне нравится камерную музыку исполнять?

Ну ничего себе пафос: «люблю только свое», «исполнять», «камерное». Остатки симпатий моих к незнакомцу улетучились полностью. Негласные правила этикета запрещали вот так запросто озвучивать свои интересы и творческие претензии в обществе. Нам бы в голову с Константином не пришло заставить людей слушать записи нашего авторства. Заявлять о успехах субъекта по части самодеятельности имело право только третье лицо. И то, если к месту.

Мне казалось очень странным поведение блондинчика, оно было картинно стереотипным. Будто он посмотрелся сериалов про переходный возраст. Держался театрально, отигрывал некий образ, который нам был абсолютно до лампочки. В этом и была странность. Живые нормальные мои друзья не вели себя так, как подростки из кинофильмов. Даже в школе. Это в кино безусые отроки проявляют себя экзальтированно, в соответствии с замыслом режиссера: для того, чтобы вскрыть какие-то там проблемы общества, поддать экспрессии, или отразить чаяния неуравновешенной и довольно малой части незрелого социума. Но мы такими никогда не были, позеров не очень любили. Тот же Константин, когда в школе выдавал что-то снобистское, делал это из озорства в большей степени. И окружающие к этому вполне спокойно относились, посмеивались по-доброму. А блондинчик подростком не был, скорее наш ровесник, судя по виду. Я все думал, где же он научился таким манерам? А главное, какие такие обстоятельства послужили тому, что эти манеры закрепились в характере к уже условно зрелому возрасту?

В скорости я перестал об этом думать и просто наслаждался диссонирующей и немного сюрреалистической сценой. Словно не очень хороший актер, парнишка пытался от нас чего-то добиться. А мы с апатией и неловко подыгрывали ему только ради того, чтобы понять, а чего же он от нас хочет?

Впрочем, «артист» нашел свою аудиторию. Лена не спускала с него глаз. Как стрелка компаса смотрит на север, так она была вся обращена к блондинчику. Лена, то ли по жестокости, то ли по глупости, заявила Константину:

— Вы все про музыку спорите, а человек делает!

Потом она повернулась к блондину и с потворствующей многообещающей насмешкой спросила:

— Продемонстрируешь?

Тот картинным движением достал откуда-то блок флейту и поднес ее ко рту. Очень сложно относиться хорошо к человеку, когда он таскает с собой блок-флейту (замечу - белую

пластиковую), чтобы в любой момент иметь возможность продемонстрировать свои умения. Константин, увидев это, залпом осушил банку пива. У Царя бровь поползла вверх.

Парень заиграл, довольно неплохо, что-то слащавое. Даже не «неплохо», а откровенно хорошо. Выдал на октаву выше передуванием⁸. Пальцы поставлены. Девки приняли театрально внемлющее выражение лица. А я готовился погромче открыть рот, когда тот закончит. Блондинчик мучал нас хорошей игрой минуты две. Повторил дважды вариации, что само по себе говорило о больном эго, и опустил флейту. Я подождал, пока вежливо-заинтересованные взгляды стихнут и отрапортовал как пионер на линейке:

— Как здорово. Школа, конечно, чувствуется. У нас Царь немного тоже играет. Вам есть о чем поговорить.

Никто из присутствующих не знал, кроме Вадима, что Царь играет на трубе и флейте с начальной школы. Они с Царем в свое время в джазовом оркестре и познакомились. Но, для остальных, кто знал Царя, его музыкальная практика сводилась к маршированию с трубой раз в год на девятое мая в смешном костюме.

С самодовольным видом блондинчик протянул флейту Царю и спросил:

— Состязание?

— Можно, наверное. А что проигравшему?

— На сосну залезть, — с усмешкой ответил парень.

Царь скромно помялся и промычал неуверенно:

— Ладно. Но еще раз и ты первый начинаешь.

Ему особо нечего было терять, та еще обезьяна - сосна его не сильно-то и напугала.

Блондин секунду подумал и начал играть какую-то «ренессансовую» мелодию. Мастерски, надо сказать. Царь напрягся, но не сильно. Ну проиграл и проиграл, сосна не проблема. Его же к ней не привяжут и не освежают.

Блондинчик в третий раз продул все вариации и умолк. Мне мелодия стала надоедать еще на втором повторе. Тем более, первая композиция была похожа на вторую. Флейтист зачем-то перевернул верхнюю часть флейты свистком вниз, и протянул Царю. Я не понял смысла в этой манипуляции. Станный жест, как будто какой-то ритуал отрицания.

Царь принял инструмент, не стал возвращать свисток в исходное положение, пару раз продул его, неловко приложился пальцами к дыркам - играл на публику. Далее он выдал неплохой бессарабский цоцек⁹, который увел в «югославское» коло¹⁰.

Не могу сказать, что он играл лучше блондина. Косячил знатно. Видно, что очень давно не тренировался. Но общая экспозиция сложилась в пользу Царя по той причине, что ужимки блондинчика успели надоесть за два захода. «Балканщина», в случае Царя, выглядела выигранно и свежо. Быть может, блондин и так мог, но поставил не на ту коняшку. Не в последнюю очередь сказался эффект неожиданности. Удача была не на стороне блондинчика.

Царь поступил грамотно. Не стал долго мучать людей вокруг, закончил, прежде чем мелодия успела надоесть. Буквально обрубил ее. Это большое искусство, пустить пыль в глаза, делая вид, что ты не пускаешь пыль в глаза. Царь посмотрел на меня, именно на меня, и спросил:

— Ну что скажешь?

⁸ Техника звукоизвлечения, позволяющая получать звуки высокого регистра (2-й, 3-й октавы), увеличивая силу выдоха и напряжение амбушюра (губ) без изменения аппликатуры.

⁹ «Цоцек» (серб., цуцек/цуцек) — это распространенный ритмичный балканский музыкальный жанр и танец, популярный на свадьбах и праздниках.

¹⁰ Кб́ло (серб. коло / kolo, болг. хоро, макед. оро) — южнославянский музыкальный жанр и народный танец-хоровод, прославившийся в первую очередь именно среди балканских народов.

Потому, видимо, и блондин на меня посмотрел вопросительно и раздраженно. Я невольно, если не считать небольшой спекуляции Царя, стал судьей. Потому и сказал с очень дружескими интонациями новичку, при том абсолютно честно:

— Последнее было интереснее, объективно.

Царь отдал флейту блондину и протянул руку. Ведь дух соревнований подразумевает солидарность. Но блондин руки не пожал, чем окончательно себя дискредитировал. Незнакомец с достоинством встал, подошел к сосне, поглядел на нее, потом обернулся, посмотрел вверх наших голов куда-то в сторону берега, хитренько улыбнулся и ответил:

— Лень о смолу пачкаться. Можете вместо меня лезть, если хотите.

А мы ничего не ответили. Надоел. Пришел, развлек - молодец, дуй по своим делам. Только спасибо скажем.

Делать ему в нашей компании, после такого демарша, было категорически нечего. Блондин в белом махнул рукой и побрел в сторону дороги. Следом за ним поспешила Лена:

— Подожди, проводишь меня до дома?

Они скрылись за изгибом берега.

— Что с ним не так? — спросил Царь задумчиво.

Будто мысли мои прочитал. Я ответил:

— Вроде бы и интересно, что с ним не так. Но если такое поведение становится понятным, то это плохой звоночек.

— Есть такое. Вообще не понимаю, как вы так спокойно с ним. Я бы ему вхлопал, — заявил Вадим.

Он был вспыльчивый немного, помладше нас на пару лет - еще студент. Не могу сказать, что мы были против насилия как такового. Но оно уместно в обществе, которое принимает его в соответствии с категорическим императивом. А устраивать расправу перед девушками было, как минимум, стратегически неверным ходом.

Мы с Царем остались довольны проделанной работой. Константин был нам благодарен, но чем-то Елена успела его зацепить. По мне, так это был отличный пример отсева. Константин впоследствии признался мне, что вопрос был не в Лене. Девушка симпатичная, но не терять же голову из-за первой встречной? Просто друг понял, насколько непросто ему будет повстречать барышню, с которой он может построить нечто, вписывающееся в его представление о достойной совместной истории. И, вероятнее всего, ему следует распрощаться с уже сложившимися своими представлениями об этой эфемерной достойной совместной истории.

Все же Константин немножечко, да лукавил. Непростая ситуация не пощадила его самолюбие. Он чаще обычного стал прикладываться к пиву. Молчал, курил и снова пил и, в определенный момент, сказал:

— Хватит мне уже. Я спать.

Он встал и ушел в палатку, махнув нам рукой. Подруга Марины, посмотрев, что Константин ретировался, с грустным видом взяла свой велосипед и понуро побрела к шоссе. Не туда смотрел мой товарищ, ох не туда.

Я же дождался от Евгении нормального, надежного, проверенного: «а ты что такой молчаливый?» Тут-то я свою варежку и раскрыл во всю прыть. А почему так произошло? Я не торопился быстро получить женского внимания, а смотрел и слушал, давая возможность барышне диалектически дойти самой до интереса к моей персоне. Врать не буду, кроме понимания механизмов диалектики, мне помог в тот раз, видимо, случай.

Стало чуть холоднее, все придвинулись к костру. Наступила темная августовская ночь. Царь продолжил почитать нас байками:

— У нас в конце шестидесятых в институтах проводили эксперименты. Разгоняли частицы. Не как сейчас, в коллайдерах, а допотопными небезопасными методами. Один раз деятели науки переборщили с разгоном и открыли портал непонятно куда. Или не портал, не

знаю. Но знающие люди говорят, что они выпустили на волю натурального древнегреческого беса.

— Фавна, — поправил я.

— Ладно, фавна.

Так как Константин ушел спать, тяга Царя к спорам утихла. Он продолжил:

— Фавн с территории института убежал к нам в город, тогда еще поселок. Очевидцы говорят, что ему приглянулась мозаика у нас на стене дома культуры. Это он отколупал рогами эмалевые чешуйки с нее. Еще он повредил скульптуру с ласточками. Запрыгнул на остановку. До сих пор там вмятины от копыт. Сходите завтра, посмотрите, если не верите. Руководство пыталось это скрыть. Говорили, что инцидент дальше институтской ограды не распространился. Проводили беседы с очевидцами. Для надежности пустили слух про опыты над обезьянами. И что одна обезьяна сбежала. Формировали мнение, что инцидент в институте и побег обезьяны между собой никак не связаны. А потом книжка вышла, популярная фантастика, про всякие чудеса в научно исследовательских институтах. И все стали говорить, что слухи - байки, навеянные сюжетом книги.

— Сам сочинил? — спросил Вадим.

— Нет, — вдруг ответил вместо Царя Максим: — Я что-то подобное тоже слышал.

Максим был старше нас, мог помнить подобные рассказы.

Я сидел разморенный, но более менее адекватный и думал про Женю. Симпатичная брюнеточка, перекрашенная в блондинку. Мы уже неплохо пообщались, но не более чем. Надо было определить, есть ли у нее насколько-нибудь устойчивый интерес ко мне. Друзья были заняты оживленной беседой. Я спокойно встал и пошел по тропинке в лес, прогуляться. Евгения, будь она заинтересована в более тесном общении, могла бы и последовать за мной. Но, то ли она отвлеклась, то ли не была заинтересована в сближении, догонять не стала. Огорчаться мне было рано. Ее отношение могло еще много раз поменяться. Я с удовольствием прогуливался по ночному берегу.

Тут мне на телефон пришло сообщение от Константина, довольно странное: «Видел Юрца с Илюхой. Привет передают, завтра будут». Юра постарше, а Илья помладше. Они были настолько разные, насколько вообще можно себе представить, может потому они так хорошо и дружат. Ну, думаю, запоздалое сообщение. Видимо, Константин его отправил еще утром, телефон далее потерял сеть, а тут поймал снова. Иначе как Константин мог увидеть ребят сейчас, в палатке?

Незаметно я подошел почти к противоположенному концу озера. Внезапно услышал неожиданные для ночного леса звуки, кто-то играл на флейте. Никак блондин? Уже больше часа прошло, как он ушел с поляны. Я тихонько пошел на звук, выглянул из-за кустов. Интуиция меня не подвела - блондинчик сидел на бревне и сосредоточенно дудел балканщину. Когда он прервался, я старательно прошелестел в кустах, чтобы не напугать, и спросил, довольно беззлбно:

— Ты чего тут один ночью?

Он посмотрел на меня немного растеряно и ответил тихим голосом:

— Надобно бы мне мелодию друга твоего освоить, пока она еще в ушах звучит.

— А барышню где потерял?

— Обиделась походу, — грустно ответил блондин, — но если я забуду, как твой друг играл, то потом уже не вспомню.

— И оно того стоит?

— Нет конечно, но я ж по другому не могу, — ответил блондин, так, будто я застал его за чем-то предосудительным.

Он сейчас выглядел практически трогательно, вовсе не таким напористым, как ранее в нашей компании.

— Ты бы вернулся к нам, да Царя попросил научить, дел на пять минут. Ты быстро все просечешь, — посоветовал я.

— Да я там не очень удачно себя повел.

— Это точно. И зачем - непонятно.

— Вроде так принято у молодежи. Репрезентативное хамство, разве нет?

Вот уж неожиданная мысль, будто блондин пришел непонятно откуда и пытался сойти за своего в незнакомой ему культуре. Я ответил:

— Глупости какие. Мы же нормально с тобой разговаривали.

— Да я уже понял. Ну теперь ничего не поделаешь, сам виноват.

— Не засиживайся, лучше Елену догони - проводи до дома.

— И то верно, удачи тебе добрый человек, — ответил блондин с хитрой улыбкой.

Я не был уверен, что он сможет догнать обидевшуюся свою подругу, но блондинчик решил, что еще не все потеряно и стремительно умчался в темноту. Не такой уж и противный оказался, дурачок конечно, но не злой по натуре. Станным показалось, что он убежал по направлению от города. Но блондинчик во всем оказался странноват. Говорю же - дурачок.

Я повернул обратно, шел по берегу в благостном состоянии духа, самом безмятежном. Рыба плещется. Наверное, это окушок ходит. Ночные птицы пролетают, если долго смотреть поверх леса на противоположенном берегу. Все бы хорошо, если бы не комары. Я нехотя заспешил к костру.

Евгения выразила мне явное недовольство:

— Единоличник. Мог бы меня позвать.

Действительно, мог бы. Облажался. Но было приятно, что девушку задело мое отсутствие. Я поспешил оправдаться:

— Так и хотел, но решил опасных зверей сначала разогнать.

— И как? Разогнал?

— Как сказать. В таких шортиках, ты всех комаров соберешь.

Евгения улыбнулась, значит благосклонно приняла мои оправдания. Друзья уже не болтали оживлено, попивали пиво и смотрели молча на костер. Изредка только Царь что-то негромко вещал. У костра, кроме меня, оставались он и Женя с Машей. Я решил напоследок развлечь барышень. Есть у меня способность волшебная. Ночью, если в водоеме есть тина, я в любой летний день могу поймать вьюна. И в том ли дело, что у нас их пруд пруди, или в том, что я обладал некоей квалификацией для того, сложно сказать. До сих пор не уверен, кто же меня этому фокусу научил. Вроде бы троюродная сестра. В тот раз я действительно на спор достал скользкого вьюна, чем заслужил одобрение девушек.

Все же женское внимание не бесконечно. Подруги пошли спать в палатку. Мы с Царем без них тоже долго засиживаться не стали. Еще не светало, а я ушел со спальником чуть подальше в лес. Прямо там и заснул. Мне захотелось раз в жизни поспать в лесу под открытым небом. Учитывая, что ночь стояла теплая, проблем мне это не доставило.

Проснулся я часов в двенадцать дня чудесно выспавшимся. Хорошо, что не делал резких движений. Обнаружил, что на мне восседает небольшая лягушка, молоденькая совсем. Грелась ночью. Я ее аккуратно смачнул и выполз из спальника.

Максим возился с мангалом. На озере плескались барышни. Царь искал по берегу пакет с пивом, который должен был бы охлаждаться в воде, но пропал. Пастораль. Я подозревал, куда делось пиво, но объяснять другу не стал - не поверит.

Я сварил кофе и покурил в тишине, пока все заняты делами. Еще пару часов, и можно лениво побрести домой по лесной тропинке, таща велосипед за руль. Но не сразу, а рассчитав время так, чтобы и Евгении настала пора идти домой.

Я как раз рассчитывал время ухода, когда со стороны шоссе на меня вышли Юрий с Ильей.

— Явились? — поприветствовал я их.

— Вчера патлатого видели. С гаражей шли, смотрим - ковыляет. Он напомнил, что вы тут, — ответил Юрий.

Патлатый - это Константин. Под такой партийной кличкой он проходил по номенклатуре Юрия.

— Как так? Он же всю ночь в палатке проспал.

Илья улыбался, думал, видимо, что с Константином затеяли подурить голову Юрию. Но подобного и в мыслях не было. Я встал и пошел к палатке, оттуда на меня вылез Константин, продирая глаза.

— Ты как умудрился раньше нас тут оказаться? — спросил Илья.

Заспанный Константин что-то промычал невнятное.

— Он еще вчера на рогах домой шел, — махнул рукой Юрий.

В целом, действительно, чего такого особого? Мог же Константин выскользнуть незаметно из палатки и вернуться под утро. Не самые сложные маневры. И не такое бывало. Парни оставили нас, ушли помогать Царю.

— Пройдемся? — тихо спросил Константин.

— Ну, пошли.

И тут Константина прорвало. Он не затыкался пол часа. Занятную историю выдал. Долгое время я пытаюсь отделаться от власти снов. Не то, чтобы я сны не любил, очень даже их люблю. Но в разных мистических историях уже давно наметился переизбыток сомнофилии. Будто бы без них нельзя ничего написать. Сны стали откровенным литературным клише. Что можно понять, так как сон очень удачно позволяет прикрыть дыры сюжета. Некоторое время назад я зарекся писать о своих снах. Но, человек слаб. Я оставляю за собой полное право описать сон Константина. Это же его сон, не мой. Для меня он - не более, чем рассказ. И не разрешен еще главный вопрос: был ли это сон. Дано ли мне право назвать спящего Константина пьяным, или напротив, пьяного Константина спящим?

Приведу его рассказ от третьего лица. Константин напился, расстроился, пошел в палатку, залез в спальник и только более менее задремал, как мы его разбудили своим «пьяным» хохотом. Он проснулся и подумал, что хочет побыть один, пройтись по лесу, принять душ, поспать у себя в кровати. Константин спокойно вышел из палатки, сказал нам, что вернется завтра утром с пивом, а мы ему помахали руками. Этого я напрочь не помню.

Константин пошел домой пешком не тем путем, каким мы добирались на велосипедах, а через лес, по тропинке с левой стороны озера, ближайшей к нашему лагерю. По той же тропинке, по которой я собрался возвращаться домой в компании Евгении. Там идти всего минут двадцать пять, максимум тридцать, до города. Выходишь из лесу и вот они - дома наши. Видны через поле. Каждый из нас в любом состоянии и в любое время суток спокойно добирался до города не раз и не два. Без всяких фонарей и электронной навигации. Дорога знакома с детства, включается автопилот.

Константин вошел в лесную темноту и настроение у него поправилось. Он уже забыл про свою сердечную неудачу. Благодостный, чуточку протрезвевший, с баночкой пива, прогулочным шагом Константин брел по ночной тропинке.

Как только глаза его привыкли к темноте, оказалось, что по левое плечо, на уровне головы, раскинув руки в стороны - имитируя самолет, летит д'Аннунцио¹¹. А с правой стороны, таким же манером летит Маринетти¹². Константин подумал: «Ведь это сон; что ж, буду грезить дальше».

¹¹ Габриэле д'Аннунцио, князь Монтеневесо (итал. Gabriele D'Annunzio, Principe di Montenevoso), урожд. Гаэтано Рапаньетто-д'Аннунцио (итал. Gaetano Rapagnetto d'Annunzio) (12 марта 1863, Пескара — 1 марта 1938, Гардоне-Ривьера) — итальянский писатель, поэт, драматург, военный и политический деятель

¹² Филиппо Томмазо Маринетти (итал. Filippo Tommaso Marinetti; 22 декабря 1876, Александрия, Египет — 2 декабря

Маринетти с акцентом, будто запыхавшись, запальчиво вещал:

— Вот и молодец! Нечего там ошиваться, среди этих консумеристов и конъюнктурщиков!

Д'Аннунцио же резонно заявил:

— Отнюдь, на твоём месте я бы вернулся. Там ещё остались бесхозные барышни.

— На кой они ему! Когда синее небо манит! — оппонировал Маринетти, накренившись так, что правая рука указывала в тёмное звездное небо, которое было видно сквозь верхушки елей.

— Как на кой? Стихи им декламировать! — отвечал д'Аннунцио.

Константин спросил:

— Вы о чём? Какие стихи?

— Мои конечно! — возмущенно ответил д'Аннунцио.

— Не читал, — отрезал Константин.

Маринетти довольно заулыбался.

Но д'Аннунцио это не смутило:

— Я тебе нового своего насыплю. С барского плеча. Запоминай.

Д'Аннунцио снизился к тропинке и приземлился на четвереньки. Маринетти последовал его примеру. Д'Аннунцио встал, отряхнул колени и приплясывая выдал:

Черные тучи в небе над лесом,

Там где летают ведьмы и бесы.

Маринетти стоял в сторонке, но начал притаптывать одной ногой и хлопать в ладоши.

Улыбка ехидная красные щечки,

Локон витой убежал из платочка.

— Оп, опааа! — аккомпанировал Маринетти, пускаясь в пляс.

Слезы сладкие искусом полнятся,

Видал украдкой я Черное Солнце.

— Оп! Оп!

Бежишь по дороге где август пылится,

Бубликом хвост и сверкают копытца.

Константин не знал, как на все это реагировать. Стоял и смотрел. Маринетти спросил у товарища с картинным удивлением:

— Это ты написал?

— Да - я, — ответил д'Аннунцио игриво улыбаясь, как первоклашка на конкурсе талантов.

— Молодец какой, — прокомментировал Маринетти, не без некоторой издевки.

Константин ждал, когда же д'Аннунцио поймет, что товарищ над ним откровенно издевается. Но поэт принял глумливую похвалу как должное.

Вдалеке послышался конский топот. Маринетти сморщил нос и гнусаво прокаркал:

— Фу, чую духом музейным пахнет, античной библиотекой.

— Полетели к актрисам? — предложил ему товарищ.

Маринетти ответил:

— Полетели!

Константина окутал смрад выхлопных газов. Оба итальянца взмыли над верхушками самых высоких сосен.

Не успел смрад рассеяться, как Константина сбил черт, который несся прямо на него со стороны озера. Черт выматерился, из чего Константин заключил, что это сатир. Ведь черти, по идее, боятся мата. От сатира разило перегаром. Был он крупный - метра два ростом. Рога

1944, Белладжо, Королевство Италия) — итальянский писатель, поэт, основатель футуризма. Автор первого манифеста футуризма (опубликован в парижской «Фигаро» 20 февраля 1909), один из основоположников аэроживописи.

большие, витые, как у барана. Загорелый весьма, оливковым загаром. Рожа сама у сатира очень была характерная, но при том крайне интеллигентная. Не бритая рожа, очевидно. Копыта крупные, хвост длинный, толстый, как нагайка. На хвосте кисть. Задняя часть туловища поросла темно рыжей шерстью и удачно прикрывала срам.

Сатир, упав, умудрился поймать улетевшее из рук Константина пиво. Он осушил банку за секунду и кинул ее Константину, уже смятую, сопроводив сей акт комментарием:

— Не мусори! Лес - храм природы.

Константин как задом упал на тропинку, так и сидел, только закурил. Сатир жестом попросил сигарету и зажигалку, и тоже задымил, сидя на тропинке.

— Ты из этих рыбачков? — спросил персонаж античных мифов, сделав движение рукой в сторону озера.

Голос у него оказался спокойный и бархатистый.

— Каких рыбачков? — уточнил Константин.

— Которые на озере с палатками, костер жгут.

— Вот черт! Удочку не убрал.

Константин было осекся, так как припоминание рогатой нечисти могло несколько обидеть собеседника. Но того слова Константина несколько не задела. Значит, действительно, перед другом сидел сатир, а не обиженный ущемленный черт. Сатир тем временем отвечал:

— Да и пес с ней, с удочкой, все равно клевать не будет. Там только у одного твоего товарища есть шанс выюна выудить. Он бластной. За него важная персона у моих водных коллег в свое время слово замолвила.

Константин ничего не понял, но кивнул. Сатир - экзотика, как никак, вызывал интерес.

— Вы чего тут делаете?

— Гулял за речкой, пасся помаленьку. Слышу - родное фракийское играет. Дай думаю гляну, кто промышляет. А это вы сидите.

— Это с какой речки, хм... шли?

— Торфяная, на восток отсюда. Там угодня у меня по левую сторону.

— И давно тут? — продолжал интересоваться Константин.

— Лет сорок, как минимум. Вынужденно имигрировал.

— А сами из Фракии значит? — полюбопытствовал Константин.

— Ты что-то больно любопытный!

Сатир, вдруг встал в полный рост. Он спросил настороженно, хотя и не агрессивно:

— Ты, случаем, не из культурных интервентов?

Константин тоже встал, и, замявшись, уточнил:

— Кого?

Сатир будто бы успокоился.

— Не суть... Летают тут два аэроафта.

Константин понял, о ком идет речь, но решил соврать, так как почувствовал нотки неодобрения в голосе собеседника.

— Не видел таких.

— Вот и хорошо. Ты бы так беспечно не шатался по ночам. А то и в аэроживопись недолго скатиться. Повезло тебе, что я сегодня тут патрулирую. Ни одна сволочь мимо не проскочит.

— А что в аэроживописи такого плохого? — поинтересовался Константин.

— Мне признаться, самому нравится как она выглядит. Но не люблю, когда идея вперед художества бежит. Художество либо вечно не догоняет, либо, если до идеи добежит - заканчивается. Тем более, если идея ангажирована. Сегодня все с ней носятся, завтра она никому не нужна. Актуальность - ходунки дрянного искусства. Все, что сильно толкают вперед, заглохнет, если перестать его толкать.

— Так наоборот же. Искусство как раз и начинается, когда идея заканчивается.

— Хитрец какой! Думал меня в силки диалектики поймать? Это только ты живешь в становящемся. А я всегда в ставшем. Мне идея движения уже сама по себе не интересна. Ну да не страшно, сообразишь еще, не дурачок.

Константин, когда описывал этот момент, особенно был возбужден. Сатирия мысль сильно ему понравилась.

Он ответил:

— Постараюсь, рано или поздно должно получиться.

— Непременно... Ладно, дела не ждут. Бывай, рыбак! — попрощался сатир и добавил, исчезая в кустах: — Ио Пан!

А Константин зачем-то пробурчал тихонько в ответ:

— Иншалла.

Мой друг со смятой и мокрой пивной банкой направился сквозь темный лес в сторону дома. Он уже забыл о том, что спит, поэтому очень удивлялся и аэронавтам, и сатиру. И тому удивлялся, как он сумел разглядеть детали их внешности в темном лесу. Больше ничего странного с ним не произошло. Только за полкилометра до дома, он услышал откуда-то сверху гнусавые крики:

— Пространства и времени нет!

В этот же момент в воздухе запахло отработанным керосином.

Константин вышел на поле, пересек его и у подъезда своего дома встретил Юрия с Ильей. Тогда он и написал мне сообщение на телефон. И друзья подтвердили факт встречи. С этого момента мне все стало представляться в ином свете. Не то, чтобы я сразу принял за чистую монету ночные приключения белобрысого, но стало немного завидно, что это он с сатиром познакомился, а не я. Пусть даже в мареве ночных походов, которые в полной мере к реальности отнести было невозможно. Хотя внутри у меня теплилась некоторая надежда, что если рогатый эгрегор над местными лесами довлеет, в виду каких-то специфических предпосылок, то и мне, рано или поздно, удастся засвидетельствовать немного античности.

Далее Константин поднялся домой, принял душ. Потом курил на балконе и пытался высмотреть - не летают ли над лесом футуристы. Но футуристы не летали. Константин лег спать, а проснулся в палатке. А потом повел меня в сторонку обо всем рассказать. И пусть мне все начало в ином свете представляться, я решил не кормить гипертрофированное воображение моего друга лишними домыслами.

— Ты помнишь сколько историй, когда кто-то сначала пьет без оглядки, а потом случается всякая дичь? — спросил я его вместо того, чтобы выдать какое-либо заключение.

— Каждая история такая и есть.

— Вот и не бери в голову, — успокоил я друга.

Константин убежал искать свою удочку. А сразу после этого, ко мне подошел Юра и обратил внимание, что надо бы в лесу ходить аккуратнее. Когда они с Ильей шли к нам по лесной тропинке, то обнаружили отпечатки кабаньих копыт во множестве. Константину про это я рассказывать не стал.

История странная, но не единственная подобная. С Константином такое периодически случалось. Но после встречи с сатиром он перестал носиться со своим «творчеством». К тому моменту мы уже успели сделать первые записи и потихоньку начинали знакомиться с околмузыкальной социальностью. Манеры в той среде были экспансивны до грубости. Раньше Константин позволял себе трубить о каждой демо-записи изо всех щелей. Теперь же мой друг начал работать тихо: выкладывал результаты без помпы и рекламы, никогда не устраивал презентаций альбомов, не навязывался на выступления. Константина перестало волновать, кто его слушает. Он стал спокойно воспринимать критику.

Чем его сатир пронял, я так и не понял. Но, благодаря этим изменениям, многие воспринимали Константина как удивительно скромного и взвешенного человека, эдакого святого

в около-музыкальной тусовке. Как же они ошибались. Я то все прекрасно понимал - это Константина было настолько всеобъемлющем, что его просто не волновали многие вопросы. Его мало слушают? Это же замечательно, значит он выдал настолько гениальный результат, что его сходу и не понять. Если Константина похвалили за музыку, тот начинал нервничать. Думал, что же он сделал не так, где не доработал? И не приведи Господь, если его музыку охарактеризовали как «актуальную» или модную. Это могло вогнать друга в депрессию - зря делал. Что до критики, это никак не могло покоробить это Константина. Он искренне считал, что никакого вреда его гениальности критика не может нанести. Не видел в этом проблемы. Во-первых, а что могут понять критики в его сложном мире? Во-вторых, гений имеет право на ошибку или бездействие без потери своей квалификации, ибо она абсолютна. И вообще, все это мелочи, шелуха. Не зазорно выслушать совет и поправить материал в соответствии с комментариями, от него не убудет. Со стороны все это выглядело весьма благообразно.

Мне идеи трезвого отношения к творчеству и определенного изоляционизма тоже по душе пришлась. Но только отчасти, я был не настолько строг. Так или иначе, у Константина приверженность к изоляции от конъюнктуры была выражена в гипертрофированной форме и во многом определила дальнейшие события.

Константин

Не помню, когда увидел его впервые, в третьем или пятом классе. Он учился в параллели. Пересекались мы с ним во время физкультуры или общие друзья у нас были, не помню. Как-никак школа пришлась на девяностые. Атмосфера была по тем временам весьма неплохая. Все ученики спокойно друг с другом общались. Не было сильной сплоченности, но люди были более менее адекватными. Мы вполне могли поиграть футбол или «слона¹³» с товарищами из соседнего класса, если не хватало людей. Девяностые обошли наш городок в плане криминала и агрессии. Родители работали в институтах, у всех было одинаково мало денег. Потому шальной бизнес к нам не приходил, а за ним и криминал не шел. Тихие и спокойные времена.

В пятом или шестом классе Константин уже демонстрировал все те свои особенности, которые и сейчас его характеризуют, внешне, по крайней мере. Длинный, худой, патлатый и белобрысый. Нос острый. Выражение лица отстраненно-сосредоточенное. Сам какой-то все время оцепеневший, буратинистый. А глаза бледно-голубые. Константин и сейчас смотрит ими на людей редко, а если и посмотрит, то будто сквозь тебя. За ним я с детства замечал одну странность. Бывает, кто-то знакомый носит очки. Типаж внешности такого знакомого со временем запоминается. А потом этот человек снимает очки и определенным образом изменяется. Константин никогда очков не носил. Но выглядел так, словно всю жизнь носил и вот только-только снял. Может показаться, по моим описаниям, что Константин был болтуном и любителем фантазировать. Так вот - нисколько. Молчун был, говорил только о том, о чем сам хотел. Прорывало его с собеседником один на один. В большой компании чаще молчал.

Характер у друга моего был отвратительный. С виду приличный парень, молчаливый, интеллигентный, себе на уме. Но это пока не втерся в доверие. Тогда-то открывается его истинная сущность. Вредный, язвительный и абсолютно спокойный. Это вдвойне бесит. Я всегда специфического рода цинизм за ним наблюдал. Обычно, циники своим цинизмом бравируют, ибо он для них приобретенный. Все же прекрасно знают, что циники вылупляются из побитых идеалистов. А Константин был уроденным циником, который решил ни с того ни с сего, что он идеалист. Над цинизмом идеалистов удобно потешаться. Если идеалист развил свой цинизм до вида искусства, то можно и художественную ценность за ним признать. А идеализм циников, хуже кислоты, чистая левиафанья желчь - могучий раздражитель. Поначалу принимаешь его за чистую монету, но потом приходит осознание, что с идеалами что-то не так. Сразу понять,

¹³ Вариант командной чехарды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.